

На обед дома никто не остался — вся компания отправилась к деревенской сцене. Театральная площадка в деревне Люси была довольно известной, и жители окрестных деревень тоже приходили посмотреть представления. Вдоль дороги раскинулись лотки с едой, напитками и мелкими безделушками — праздник для глаз и желудка.

Две семьи вместе остановились у лотка с вонтонами. Каждый съел по чашке горячего супа с вонтонами, а потом еще перекусили разнообразными местными закусками, насытившись на скорую руку.

Сидя перед сценой, они наслаждались спектаклем. Время от времени дети подбегали к Цин Яню за сладостями. Его карманы быстро опустели, но, к счастью, Цю Хэнянь предусмотрительно взял с собой больше конфет, иначе Цин Яню пришлось бы изрядно поволноваться.

Сестра Лань наблюдала за этой сценой и, улыбнувшись, сказала своей матери:

— Эти малыши, кажется, просто тянутся к красоте. Сладости из рук красавца всегда кажутся вкуснее!

Хотя, признаться, и к ней самой за сладостями подходило немало ребятешек.

К вечеру, когда начало холодать, они решили, что уже достаточно нагулялись, и разошлись по домам, чтобы дети не простудились.

Поздним вечером, сняв макияж и умывшись, Цин Янь сидел при свете лампы. Цю Хэнянь долго смотрел на него, не отводя взгляда.

Цин Янь улыбнулся:

— Ну что, я красивее сейчас или днем, с макияжем?

Цю Хэнянь не ответил, но в его глазах промелькнули едва уловимые перемены. Тогда Цин Янь поднялся, легко коснулся его губ и тихо произнес:

— Помни о чистых помыслах.

Улыбнувшись, он вышел.

Перейдя в соседнюю комнату, он бросил взгляд на стол и чуть покраснел, но снова улыбнулся.

Накануне Цин Янь завершил упражняться на каллиграфической прописи, которую написал

для него Цю Хэнянь. После этого он сам создал новую надпись. Сегодня, взглянув на стол, он обнаружил, что Цю Хэнянь не только оставил свои пометки и поправки к его работе, но и переписал ее начисто, сделав из нее новую пропись для тренировки.

Вчера Цин Янь написал строки: «Слова мои о благородном мужчине, мягком, как нефрит. В его деревянном доме смятение охватывает мое сердце*».

(ПП: строки из «Цинь Фэн Сяо Жун» из «Книги песен», первого поэтического сборника древнего Китая.)

Этим он намекнул на свои чувства, и, кажется, Цю Хэнянь уловил их. Пусть он ничего не сказал вслух, но его действия показали, что он не оставил намек Цин Яня без внимания. Это был хороший знак.

Цин Янь не спешил. Он был готов ждать, постепенно приближаясь к цели.

Закончив очередную пропись, Цин Янь задумался и написал еще одну, аккуратно положив ее на стол.

На утро пятого дня нового года Цю Хэнянь отправился в кузницу.

После завершения праздников зима начала сдавать свои позиции, воздух становился теплее. Жители деревни, в основном занятые земледелием, старались воспользоваться этим временем, пока земля еще не оттаяла окончательно. Многие приходили в кузницу, чтобы заказать новые инструменты или починить старые.

Когда Цю Хэнянь добрался до мастерской, его пятнадцатилетний ученик уже был на месте. Но, поскольку это был первый день работы после праздников, он не разжег горн заранее, как делал обычно.

Юный ученик достал благовония и последовал за Цю Хэнянем. Оба поклонились и зажгли благовония перед статуей Ли Лаоцзюня*, которая стояла в кузнице.

(ПП: Тайшан Лаоцзюнь, сокращенно Лаоцзюнь, главный бог даосизма. Легендарный лидер и высшее божество — один из «Трёх Чистых». По легенде, он воплотился в мыслителя династии Чжоу Лао-цзы.)

Хотя Цю Хэнянь не был религиозен, в кузнечном ремесле Ли Лаоцзюня почитали как покровителя, поэтому он соблюдал традиции, как учил его мастер Ван.

После того как горн разожгли, Цю Хэнянь первым делом выковал пару декоративных монет-слитков на удачу, а затем занялся ремонтом инструментов, которые принесли еще до праздников.

Ученик был в мастерской всего несколько месяцев, и, хотя он быстро рос, сил ему пока не хватало. Обычно он помогал по мелочи, внимательно наблюдал за работой и учился, иногда стоял на подхвате.

Горн разогрелся, температура в кузнице повысилась. После нескольких десятков ударов молота пот уже стекал по лицу Цю Хэняня. Понимая, что если промокнет вся одежда, то на обратном пути можно простудиться, он снял верхнюю часть своего одеяния, аккуратно сложил его и продолжил работу в разгоряченной кузнице.

С каждым движением молота мышцы на руках Цю Хэняня слегка напрягались, словно отлитые из стали. Эта сила была не показной, а настоящей — результат многолетней тяжелой работы с молотом. Они выглядели мощными, но без лишней массивности, в полной гармонии с его телосложением.

Ученик, стоявший рядом и помогавший по мелочи, то и дело украдкой бросал взгляд на учителя. В его душе зрела зависть и восхищение: «Когда же я стану таким сильным, чтобы самому держать молот?»

В обед они остались есть прямо в кузнице. Рядом с мастерской находился ларек с паровыми пирожками и булочками. Кроме того, там варили кукурузу и яйца.

Цю Хэнянь дал ученику несколько медных монет, чтобы тот купил булочки и яйца, а сам сходил в соседнюю лавку за тушеным мясом. Они устроились за небольшим столом, разделив обед поровну.

После обеда Цю Хэнянь выковал еще одну мотыгу. Работа еще не была закончена, но, к удивлению для самого себя, он решил вернуться домой раньше обычного. Сегодня в кузнице не было срочных заказов, а дома ему тоже не предстояло ничего важного.

Утром, когда он проснулся, Цин Янь все еще спал. Белоснежная рука обнимала одеяло, длинные волосы мягкими прядями лежали на подушке, а нежные щеки отливали легким румянцем. Губы были чуть приоткрыты, что придавало ему особую хрупкость.

Цю Хэнянь, стараясь не задерживать взгляд, быстро отвернулся и встал с кровати.

Привычка позвала его в соседнюю комнату. Ему предстояло либо править новую каллиграфическую работу Цин Яня, либо готовить для него очередную пропись.

Подойдя к двери, он неожиданно остановился и некоторое время стоял, как будто обдумывая что-то, прежде чем войти внутрь.

На столе действительно лежала новая работа. Цю Хэнянь склонился над листом, изучая строки. Почерк Цин Яня с каждым днем все больше походил на его собственный, но в изгибах

штрихов оставалась своя неповторимая мягкость и округлость.

Эта тонкая разница в почерке неожиданно привлекла его внимание и принесла едва уловимое, но искреннее удовольствие.

Подняв листок, он заметил под ним аккуратно сложенный шелковый платок. Без рисунка, без вышивки — простой, гладкий. Пальцы коснулись ткани, ощущая ее прохладную, мягкую текстуру. Затем взгляд Цю Хэняня снова упал на лист бумаги. Он тихо прочитал написанное:

«Не пишу новых стихов, не пишу песен,

Простой шелковый платок передаю тому, кто поймет.

Поймешь — переверни его.

Что по горизонтали, что по вертикали — все равно это шелк*»

(ПП: из «Народной песни» Фэн Мэнлуна)

Это уже третье стихотворение, оставленное Цин Янем на столе. Первые два были предельно ясны в своем намеке, но Цю Хэнянь, будто не понимая, переписывал их по правилам, указывая структуру и технику письма.

На этот раз он задумался дольше. Некоторое время сидел молча, но потом добавил воды в чернильницу, сел за стол и вновь принялся аккуратно переписывать стихотворение.

Цю Хэнянь уже знал, что по привычке Цин Янь после обеда немного отдыхает. Затем он займется делами по дому, а позже отправится в комнату для тренировок каллиграфии.

Окинув взглядом небо, Цю Хэнянь понял, что у него еще есть время. Цин Янь, вероятно, не успел увидеть его переписанное стихотворение.

«Если он это прочтет, не разочаруется ли он в моем безразличии?» — подумал Цю Хэнянь, глядя в окно.

Прошло еще немного времени, и его ученик, увидев, что мастер сделал перерыв, смело подошел:

— Мастер, можно мне попробовать молотом два раза махнуть?

Но прежде, чем он успел договорить, Цю Хэнянь резко встал, надел верхнюю одежду и сказал:

— Уже поздно. Приберись и закрой мастерскую. Я пойду.

Ученик остолбенел. Он смотрел, как его мастер решительным шагом выходит из кузницы, и медленно перевел взгляд на яркое солнце.

«Поздно? Какое еще поздно? Ведь солнце прямо над головой!»

Тем временем Цин Янь пребывал в дурном настроении. Он стоял во дворе у забора, горячо споря с соседом Чэнь Юем.

Все началось из-за того, что вчера Цин Янь обменялся парой слов с Чжан Вэньшэном.

Это было утром, когда Цин Янь, уже сделав макияж, зашел домой, чтобы взять немного денег на прогулку. Он столкнулся во дворе с Чжан Вэньшэном, возвращавшимся с улицы.

Цин Янь хотел просто кивнуть и пройти мимо, но Чжан Вэньшэн остановил его. Вероятно, услышав от кого-то, что Цин Янь тоже занимается учебой, он заговорил с ним как с равным.

Чжан Вэньшэн начал расспрашивать, у кого учился Цин Янь, какие книги он прочел, и даже намекнул, что готов одолжить ему несколько книг из своей коллекции.

Услышав, что Цин Янь не собирается идти по пути государственных экзаменов, Чжан Вэньшэн искренне выразил сожаление.

Цин Янь не имел ничего против Чжана, но он торопился, поэтому ответил кратко, свернул разговор и вернулся в дом.

Этот эпизод он быстро забыл, но, как оказалось, сосед Чэнь Юй наблюдал за сценой из своей комнаты. Утром, после того как Чжан Вэньшэн уехал в уездный город, Чэнь Юй набросился на Цин Яня с руганью.

Чэнь Юй обвинял его в том, что он нарушает нормы поведения, называл его ветреным и даже обвинил в том, что он якобы соблазняет других мужчин. Чем дольше длилась тирада, тем грубее становились его слова.

Обычно Цин Янь старался игнорировать ядовитые замечания соседа, но на этот раз он не выдержал и выругался через забор:

— Не думай, что на твоего мужа кто-то позарится! У меня, Юй Цин Яня, есть свой мужчина!

Чэнь Юй тут же выпалил:

— Ха, да мой мужчина намного лучше твоего! Наверное, ты в прошлой жизни сильно нагрешил, раз вышел за такого бесполезного урода!

Слова попали в больное место, и Цин Янь вспыхнул от ярости:

— Что за хрень ты болтаешь! Это твой муж — бесполезный, а мой - настоящий герой, за ночь может семь раз! Я просто счастлив до смерти!

В этот момент послышался громкий звук распахнувшейся двери. Кто-то так резко влетел во двор, что едва не упал.

Цин Янь, испуганный шумом, обернулся и столкнулся взглядом с появившимся Цю Хэнянем. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, пока до Цин Яня не дошло, что он только что наговорил. Осознание пришло вместе с ощущением полного смущения.

Цю Хэнянь, не говоря ни слова, широким шагом подошел к Цин Яню, подхватил его на руки и направился к дому.

— Что ты делаешь? — тихо и нервно спросил Цин Янь, оказавшись в его объятиях.

— Возвращаемся домой. Семь раз за ночь — времени до утра не так уж и много, нужно успеть.

— ...

Дверь с грохотом захлопнулась за ними.

Чэнь Юй, находившийся по другую сторону забора, увидел, что никто не обращает на него внимания. Он посмотрел, как две фигуры исчезли за дверью, и в гневе несколько раз топнул ногой.

.....

Внутри дома, на широкой кровати с балдахином, шторы были плотно закрыты. Однако днем свет все равно просачивался внутрь, оставляя пространство мягко освещенным.

Цин Янь полулежал на груди Цю Хэняня, его лицо было пунцовым, а взгляд — пронзительным, как крючок. Он тихо спросил:

— Ты ведь говорил, что сдержишь слово, разве нет?

У Цю Хэняня пересохло в горле, кадык заметно дернулся, глаза уставились в потолок. Он хрипло ответил:

— Цин Янь, я делаю это для твоего блага.

Цин Янь, преодолевая смущение, провел кончиками пальцев по его губам. Он почувствовал, как губы мужчины дрогнули. Его собственное сердце билось так сильно, что, казалось, эхо отдавалось во всем теле. Лицо пылало от смущения, но он решился:

— Давай попробуем еще раз.

Цю Хэнянь покачал головой:

— Нельзя.

Цин Янь, сжав губы, подался ближе и шепотом прошептал у самого уха:

— Даже если мы не пойдем до конца, это все равно нельзя? — в его голосе звучала явная обида.

Цю Хэнянь наконец перевел взгляд на него. Между их грудными клетками ощущалась тяжелая синхронная дрожь двух сердец. В напряженной тишине он наконец сдался:

— Хорошо.

Глаза Цин Яня загорелись неподдельной радостью, но смущение все же оставалось. Раз уж он решился на такой шаг, он не собирался отступить.

Цин Янь наклонился и поцеловал его губы, неуклюже касаясь языком его зубов, пытаясь нащупать его язык. Внезапно большая теплая ладонь накрыла его затылок, и пассивный до этого момента Цю Хэнянь резко взял инициативу. Его поцелуй стал настойчивым и глубоким, а Цин Янь, поглощенный этим порывом, едва мог сдержать слабые стоны.

Поцелуй завершился, оставив Цин Яню легкое головокружение. Его красивые глаза увлажнились, а дыхание было прерывистым. Едва сдерживая смущение, он прошептал:

— Можно мне посмотреть?

— Посмотреть что? — спросил Цю Хэнянь хриплым голосом.

Цин Янь не ответил, но его рука, гибкая, словно змея, медленно поползла вниз. Однако, добравшись до цели, он вдруг застеснялся, пальцы дрожали, и даже простую завязку он не смог развязать. Лишь тогда большая рука Цю Хэняня накрыла его, направляя и помогая справиться с задачей.

Щеки Цин Яня покраснелись до предела, но он не собирался отступать. Он обещал посмотреть — и, несмотря на жгучее смущение, медленно поднялся, встав на колени на постели, и, словно наблюдая за научным опытом, серьезно и внимательно уставился.

Едва взглянув, он невольно сглотнул. Все вдруг встало на свои места: боль в их брачную ночь, его испуг — все имело причину.

Но на этом Цин Янь не остановился. После того как он осмотрел, ему захотелось потрогать. А после этого, преодолев внутренние барьеры, он медленно наклонился, чтобы...

В этот момент Цю Хэнянь, до сих пор позволявший ему действовать, резко остановил его. Мужчина резко сел, схватил Цин Яня за плечи и оттолкнул его.

— Ах! — вскрикнул Цин Янь, удивленно подняв голову. Он хотел понять, что случилось, и посмотрел в лицо своему мужу, но тот отвернулся.

Этот жест Цю Хэняня Цин Янь знал слишком хорошо. Раньше его муж всегда отворачивался, чтобы скрыть ту половину лица, которая была изуродована шрамами. Но с тех пор как Цин Янь однажды сказал, что не боится этих шрамов, Цю Хэнянь перестал так делать.

Теперь он снова отворачивался.

Цин Янь замер, растерянно глядя на него, не понимая, что произошло. Цю Хэнянь опустил глаза, скрыв от него свои чувства.

Цин Янь хотел что-то сказать. Его губы дрогнули, и он успел выдать лишь:

— Я...

Но прежде чем он успел продолжить, Цю Хэнянь отпустил его, торопливо натянул одежду и, избегая взгляда Цин Яня, бросил:

— Я пойду в мастерскую.

С этими словами он вышел из дома, оставив Цин Яня в полной растерянности.

<http://bllate.org/book/13590/1205182>